

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 2

Стеклоянный ПОТОЛОК

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
СтеклЯнный потолок

«Автор»

2026

Карадениз М.

Стеклянный потолок / М. Карадениз — «Автор», 2026

В элитной новостройке на набережной находят тело женщины, замурованной в вентиляционной шахте. Она работала уборщицей и убирала квартиры в этом доме. Все владельцы — бизнесмены, чиновники, депутаты — под подозрением. Анна Ветрова, бывшая журналистка, а теперь ассистентка риелтора, случайно оказывается в эпицентре скандала. Она видела убитую за несколько дней до трагедии. Полиция безразлична: жертва — всего лишь уборщица, не депутат и не бизнесвумен. Анна начинает собственное расследование. Но чем глубже она копает, тем страшнее становятся находки: скрытые камеры, прослушка, секретные помещения, которых нет на планах. Кто-то следит за каждым её шагом. Кто-то готов убить снова. Сможет ли она найти убийцу раньше, чем он найдёт её? И что скрывается за стенами идеального дома, где живут идеальные люди? Это новая книга серии-бестселлера «ПАЗЛ». Каждая книга — законченный детективный триллер с новой загадкой, новыми героями и неожиданной разгадкой на последней странице.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. НЕВИДИМКИ	9
Глава 1. Вид на набережную	9
Глава 2. Чистый дом	12
Глава 3. Элитный список	15
Глава 4. Запах из стены	18
Глава 5. Тело	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Стеклянный потолок

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Бетон ещё не просох.

Клавдия поняла это по запаху — цементная пыль, известковая вода и что-то ещё, химическое, от чего щипало нёбо. Так пахнет в новых домах, где ещё не завезли мебель и не повесили шторы. Только здесь этот запах был гуще, плотнее, он заполнял каждый сантиметр пространства, смешиваясь с железом и её собственным потом.

Она лежала на спине. Руки прижаты к бёдрам — не потому, что связаны, а потому, что не было места их поднять. Стенки короба давили на плечи, холодные, шершавые. Она попробовала согнуть колени — упёрлась пятками в бетон. Её засунули сюда как мешок со старой одеждой. Скомкали. Затолкали.

Глаза привыкли к темноте. Не полностью — темнота в шахте была особенная, без единого просвета, не та ночная, в которой различаешь силуэты, а совсем глухая, ватная. Она давила на веки, заставляла моргать, хотя разницы не было никакой.

Клавдия вспомнила, как в детстве залезла в старый колодец на даче — за упавшим ведром. Тогда она тоже лежала и смотрела вверх, на маленький кружок неба. Мать потом вытащила её за капюшон, отругала, отшлёпала.

Сейчас неба не было. И никто не вытащит.

Дыши.

Она сделала вдох. Воздух приходил откуда-то сверху, тонкой струйкой, едва заметным движением. Вентиляция работала — та самая вентиляция, которую она ненавидела все три месяца, что убирала в «Версале». В квартирах дуло из решёток так, что у жильцов сохло горло, а на площадках гуляли сквозняки, от которых у Клавдии ломило поясницу.

Теперь этот ветерок был её единственной ниточкой к жизни.

Она попробовала позвать на помощь. Получился не крик, а сиплый выдох — лёгкие сдавило рёбрами, стенки шахты не пускали звук наружу. Бетон жрал голос, превращал его в дрожь, которая гасла через полметра. Никто не услышит.

Зачем?

Она прокручивала в голове последние часы, но картинки рассыпались. Вот она моет пол в прихожей квартиры №37 — чёрный мрамор, разводы от обуви, хозяйка вечно недовольна. Вот пьёт чай в подсобке на первом этаже — пластиковый стаканчик, горячая вода из кулера, консьерж Слава даёт ей конфету «Коровка». Вот поднимается на лифте с тележкой, полной тряпок и ведрами.

А потом — провал.

Только глухой удар сзади по голове. И когда очнулась — уже здесь, в темноте, с бетоном, который ещё не высох, и дикой болью в правом боку.

Клавдия пошевелила пальцами. Левая рука слушалась, правая — нет. Или слушалась, но плохо. Или ей просто казалось, что она шевелит, а на самом деле рука уже не её.

Она заплакала. Без звука, без всхлипов. Слезы текли по вискам в уши, потому что повернуть голову было нельзя. Она лежала ровно, как в гробу, и слёзы заливали слуховые проходы, и это было самое унижительное, самое страшное — не смерть даже, а то, что она сейчас похожа на размазанную тряпку, которую забыли выжать.

Я ничего не сделала.

Она всего лишь убирала. Мыла унитазы, протирала стёкла в душевых кабинах, собирала мусор из корзин для бумаг. Иногда — если хозяева оставляли ключи в замке — она заходила в квартиры без присмотра, вытирала пыль с комодов, поправляла кресла. Она видела чужие спальни, чужие таблетки на тумбочках, чужие письма, забытые на кухонных столах.

Но она никогда ничего не брала.

Никогда.

Почему тогда?

Она вспомнила одну квартиру. Десятую. Там, где на стене висела большая фотография — белый песок, пальмы, женщина в широкополой шляпе. Хозяйка дала ей чаевые — пятьсот рублей — и сказала: «Вы ничего не видели, Клавдия Степановна». А Клавдия ответила: «Я ничего и не вижу, я мою».

Она тогда действительно ничего не поняла. Просто сделала уборку, как обычно, и ушла.

Но потом, через неделю, она нашла в мусорном ведре той же квартиры обрывки документа. На одном была печать — «Комитет по строительству». На другом — числа, много чисел, и фамилии, и пометки красной ручкой.

Клавдия не умела читать такие бумаги. Она закончила восемь классов и курсы клинеров. Но она запомнила одну цифру: сумма, написанная в углу листа, с четырьмя нулями. С пятью.

Она засунула обрывки обратно в ведро и забыла.

Или не забыла?

Сейчас, лёжа в бетонном мешке, с залитыми слезами ушами и онемевшей рукой, Клавдия вдруг отчётливо вспомнила: она не засунула их обратно. Она спрятала один листок. Сунула в карман халата, принесла в подсобку, положила под пластиковый поддон, на котором стоял кулер.

Она не знала, зачем это сделала. Просто привычка? Или предчувствие?

Сверху, из вентиляционной решётки, донёсся звук. Шаги. Кто-то шёл по коридору десятого этажа. Каблуки — цок-цок-цок — по мрамору. Медленно, почти торжественно.

Клавдия хотела закричать. Собрала остатки воздуха, выдохнула всем телом, каждой мышцей, каждой сломанной, наверное, костью. Из горла вырвался звук — нечеловеческий, булькающий, как будто кто-то топил кошку.

Шаги остановились.

Прямо над ней. Прямо над решёткой, за которой начиналась её шахта, её могила, ещё не закрытая, ещё не залитая, ещё живую хоронящая.

Клавдия замерла. Услышала, как сверху открывается дверца техлюка. Металлический скрип. Потом — шорох, шелест, будто кто-то достаёт что-то тяжёлое.

Голос. Женский или мужской? Она не поняла. Слишком тихо. Слишком искажено бетоном. Одна фраза, обрывок:

— ...не должна была...

И потом — глухой удар. Света не было, но Клавдия вдруг почувствовала, как в шахту полилось что-то горячее, жидкое, тяжёлое. Бетон. Свежий бетон, который заливали сверху, прямо на неё.

Она поняла всё за три секунды. Поняла, почему руки прижаты к телу. Поняла, зачем её сунули в вертикальный короб. Поняла, что сейчас он наполнится доверху, и она станет частью стены. Арматурой. Костяным наполнителем, который прорабы называют «мясным армированием».

Она успела только выдохнуть — последний раз, навсегда.

Бетон пошёл вверх от ног. Тяжёлый, обжигающий, он выдавливал воздух, сминал грудную клетку, заполнял рот.

Клавдия не закричала.

У неё уже не было лёгких.

А наверху, на десятом этаже Жилого комплекса «Версаль», кто-то вытер руки о белую тряпку, закрыл дверцу техлюка и нажал кнопку вызова лифта.

Вестибюль был пуст. Камеры не работали.

Никто ничего не видел.

—

В стене, между квартирами №43 и №44, на высоте трёх метров от пола, осталась едва заметная отметина — свежий шов, который ни один жилец не заметит. А под пластиковым поддоном кулера в подсобке на первом этаже лежит сложенный вчетверо лист бумаги с печатью.

Его найдёт уборщица через два дня. Когда будет мыть пол и отодвинет кулер, чтобы вылить грязную воду.

Но к тому моменту Клавдия уже будет частью «Версаля». Навсегда.

ЧАСТЬ 1. НЕВИДИМКИ

Глава 1. Вид на набережную

Ключ от квартиры №91 не вставал в замок.

Анна Ветрова повернула его третий раз, чувствуя, как по спине ползёт липкое раздражение. Пластиковая карточка-ключ, которую ей выдали в управляющей компании, почему-то не подходила к двери с матовым номером на чёрном фоне. Она уже хотела звонить консьержу, когда дверь щёлкнула сама — или показалось.

— Есть контакт, — пробормотала Анна и толкнула тяжёлое полотно.

Квартира встретила её запахом свежего ремонта — краска, шпаклёвка, новая сантехника. И тишиной. Такой густой, что закладывало уши после шумной набережной за окном.

Она вошла в прихожую, включила свет. На полу — кусок полиэтилена, забытый отделочниками. На стенах — идеально ровные обои под покраску. Ничего лишнего. Чистый лист.

Анна достала телефон, открыла приложение «Объекты». Подпись к адресу: «ЖК «Версаль», кв. 91, 12 этаж, угловая, 112 кв. м, два балкона, панорамный вид на набережную. Цена: 28 млн».

Клиент должен был подъехать через пятнадцать минут. Анна прошла в гостиную, оценивая пространство. Большие окна, французские балконы, пол с подогревом. С такой квартирой она могла закрыть план за месяц. Если, конечно, клиент не окажется очередным «смотрящим», который приходит просто поглазеть.

Она достала из сумки планшет, начала делать обмеры — для себя, на всякий случай. Риелторы в её агентстве обычно не заморачивались техникой, но Анна привыкла фиксировать всё. Фотографическая память — штука надёжная, но бумага не врет.

Щёлк — ширина гостиной. Щёлк — высота потолков. Щёлк — глубина вентиляционного короба у стены.

Она остановилась перед решёткой. Обычная, белая, пластиковая. Но какая-то не такая — слишком большая для типового проекта. Анна присела, заглянула внутрь. Темнота, холодный воздух дул в лицо. Пахло сыростью, бетоном и чем-то ещё — сладковатым, едва уловимым.

Строительная химия, — подумала она. — *Или герметик*.

Телефон завибрировал. Сообщение от Ильи Сергеевича, начальника: «Клиент на месте. Впусти».

Анна вернулась в прихожую, отворила дверь.

На пороге стоял мужчина.

С виду — сорок пять, может, пятьдесят. Средний рост, среднее телосложение, лицо, которое сложно запомнить. Серое пальто, чёрные брюки, серая шапка-бини. На руке — часы. Дорогие. Анна разглядела логотип — что-то швейцарское, не «Касио» точно. Шесть-семь тысяч евро, если не подделка.

Но обувь — ботинки. Дешёвые. Из строительного магазина, такие носят рабочие на стройках или дальнобойщики. Немаркая резина, толстая подошва, грязноватые шнурки.

Диссонанс резанул глаз, но Анна улыбнулась профессиональной улыбкой:

— Добрый день. Анна, агентство «Недвижимость-Столица».

— Кузьмин, — мужчина кивнул, не протягивая руки. — Можно без паспорта? Я по объявлению.

— Конечно, — Анна пропустила его внутрь. — Проходите, раздевайтесь. Я покажу квартиру.

Кузьмин разулся, но пальто снимать не стал. Прошёл в гостиную, остановился у окна. Анна ждала традиционного «ого, какой вид», но мужчина молчал. Он стоял спиной к панораме, смотрел на противоположную стену.

— Хорошая планировка, — начала Анна. — Угловая секция, две спальни, можно сделать третью за счёт гардеробной. Вид на набережную, закат прямо в окна.

Кузьмин не реагировал. Он подошёл к стене, провёл по ней ладонью, как будто что-то искал.

— Стены ровные? — спросил он.

— Абсолютно. Дом сдан в прошлом году, отделка черновая, но можно заезжать хоть завтра.

— Вентиляция где?

Анна моргнула. Вопрос был странным. Обычно клиентов интересовали потолки, звукоизоляция, планировка. Вентиляция — на последнем месте.

— Вот здесь, — она показала на решётку. — Принудительная, с подогревом воздуха. В доме хорошая система.

Кузьмин подошёл к решётке, присел на корточки, как Анна за несколько минут до него. Заглянул внутрь.

— Глубокая, — сказал он. — Метра полтора, наверное.

— Я не замеряла, — честно ответила Анна. — Но технические характеристики можно запросить в УК.

Мужчина выпрямился. Обошёл гостиную, заглянул в спальню, в гардеробную, на кухню. Везде повторял один и тот же ритуал: трогал стены, заглядывал в углы, иногда присаживался и стучал по полу костяшками.

— Вы строитель? — спросила Анна, пытаясь разрядить обстановку.

— Нет, — Кузьмин даже не обернулся.

— Просто спрашиваю. У вас профессиональные жесты.

Он замолчал. Подошёл к окну, наконец посмотрел на набережную. Секунд десять стоял, глядя на застывшую ленту реки и снежные шапки на парапетах.

— Вид хороший, — сказал он без интонации.

— Да, одна из лучших в доме, — Анна почувствовала, что надежда на сделку тает. — Если хотите, можем пройти в соседнюю квартиру, тоже продаётся, там вид на город.

— Не надо, — Кузьмин надел ботинки. — Я подумаю.

— Оставьте контакт, я пришлю варианты.

— У меня ваш номер уже есть. — Он открыл дверь. — Спасибо за показ, Анна.

И вышел.

Анна осталась в прихожей, сжимая планшет. Восемь минут. Весь показ занял восемь минут. Она готовилась полчаса, ехала через весь город, а этот тип даже не спросил про цену.

«Смотрящий», — подумала она. — Или псих.

Она вернулась в гостиную, на ходу делая фото для базы. Ракурс №1 — вид из окна. №2 — кухня, островная планировка. №3 — ванная с тёплым полом.

Она уже собиралась уходить, когда за стеной что-то грохнуло. Следом — мужской голос. Крик. Не разговор — именно крик, глухой и злой.

— ...ты мне... сука...

Женский голос, визгливый:

— Сама ты! Я не позволю...

Снова грохот. Что-то упало, разбилось. Анна замерла. Соседняя квартира — №89. Планировка зеркальная, стены тонкие. Крики доносились оттуда.

— ...закрыла рот, понял?...

Анна сделала шаг к выходу. Не её дело. Не её дом, не её клиенты, не её ссоры. Она здесь чужая.

Она уже взялась за ручку двери, когда услышала женский всхлип — короткий, оборванный, как будто его зажали ладонью.

А потом — тишина.

Анна постояла секунду, прислушиваясь. Ни звука. Только вентиляция гудела ровно и равнодушно.

Она вышла в коридор, закрыла дверь квартиры №91, и нажала кнопку лифта.

Не твоё дело, Ветрова, — повторила она про себя, когда двери закрылись. — *Ты здесь не журналист. Ты риелтор. Продавай квартиры и не влезай.*

Но в голове уже щёлкал счётчик деталей: номер квартиры, время, голоса, всхлип.

И странный мужчина в дешёвых ботинках, который трогал стены.

И вентиляция, пахнувшая чем-то сладким.

Не твоё дело, — повторила она в третий раз.

Но память уже сохранила всё.

До мельчайших деталей.

До последнего всхлипа за стеной.

Глава 2. Чистый дом

На первом этаже Анна свернула не к выходу, а к подсобке.

Она знала, что за дверью с табличкой «Служебное помещение» есть кулер. Консьерж Слава показал его в первый день работы — «для своих». Анна тогда решила, что «своими» считают всех, кто имеет доступ в дом дольше двух недель.

Она толкнула дверь.

Внутри было тесно. Метров восемь, наверное. Пластиковые стулья, складной стол, микроволновка, холодильник, кулер. На стене — расписание уборок и график дежурств консьержей. И три женщины.

Две сидели на стульях, пили чай из пластиковых стаканчиков. Третья стояла у раковины, мыла тряпку.

Воздух в подсобке был тяжёлым — пахло хлоркой, старым кофе и ещё чем-то кислым, больничным.

— Девушки, здравствуйте, — Анна кивнула. — Можно воды?

— Ой, конечно, — отозвалась одна из сидящих — молодая, лет тридцати, с усталым лицом и резинкой для денег на запястье. — Только стаканов нет, мы свои.

— Я из горла, — Анна подошла к кулеру, наклонилась. Холодная вода пошла тонкой струйкой, она пила жадно, чувствуя, как уходит напряжение после странного показа.

— Вы риелторша? — спросила вторая сидящая. Та, что постарше, лет пятидесяти пяти. В синей униформе «Чистого дома», с седыми прядями, выбившимися из-под косынки. Руки у неё были страшные — вены натруженные, узлы на суставах, пальцы скрюченные, как у прачки из прошлого века. — Вас тут раньше не было.

— Анна, — представилась она, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Да, недавно. «Версаль» теперь в моём списке.

— А мы Клавдия, — женщина кивнула на себя. — А это Тамара, — на молодую. — А это Галя, — на ту, что мыла тряпку. Галя обернулась, молча кивнула и снова отвернулась к раковине.

— Приятно познакомиться, — Анна уже взялась за дверную ручку, когда Клавдия сказала:

— Слушайте, а у вас таблетки нет? Голова что-то... духота эта.

Анна остановилась. Духота? На первом этаже, у самой двери, где сквозняк?

— В смысле?

— Вентиляция, — Клавдия поморщилась, потерла висок. — Она во всём доме, зараза. В квартирах вроде работает, на этажах — нет. А в подсобке особенно. Уши закладывает, как в самолёте.

— Или как в гробу, — добавила Тамара и хихикнула.

Клавдия усмехнулась, но как-то криво:

— Сказала тоже. В гробу.

— А что, похоже, — Тамара не унималась. — Закрытое пространство, воздуха нет, стены бетонные. Хорошенькое местечко.

— Прекрати, — Клавдия строго посмотрела на неё. — Не к ночи поминай.

Анна полезла в сумку. Нашла блистер цитрамона — остался после прошлой мигрени. Выдавила две таблетки.

— Держите.

— Ой, спасибо, милая, — Клавдия взяла, развернула фольгу. Проглотила сухими, не запивая. — А вы надолго к нам? Или так, разово?

— Постоянно, наверное. У нас агентство закрыло несколько объектов в этом районе.

— Ну и правильно, — Клавдия кивнула. — Дом хороший. Я три месяца здесь убираю, все квартиры уже изучила.

— Все? — Анна присела на свободный стул — не потому, что хотела остаться, а потому что ноги вдруг стали ватными. Сказывалась бессонная ночь и два показа подряд.

— Почти все, — Клавдия перебирала пальцами на столе, как чётки. — В трёх не была, так, по мелочи. Но в основном — везде.

— Какие квартиры не убираете?

— Две — хозяйева сами не пускают. Сказали — мы сами. Одна на пятом этаже, сорок седьмая, там женщина живёт с собакой, всё время дома, сама полы моет. А вторая — пятьдесят первая. Там вообще странные люди. Мужчина, серьёзный такой. Впускает, но стоит над душой, пока работаешь. Неприятно.

Анна запомнила номера. Неосознанно. Память щёлкнула и сохранила.

— А третья?

— А третья — это на двенадцатом, восемьдесят девятая. Там семейная пара, они сами убирают. Я туда даже не суюсь, — Клавдия скривилась. — Кричат постоянно. Думают, стены не слышат.

Анна вспомнила крики. Те самые, которые услышала десять минут назад. Из восемьдесят девятой.

— А вы их знаете? — спросила она как бы невзначай. — Жильцов?

— Кого? Из восемьдесят девятой? — Клавдия пожала плечами. — Мужчина, женщина. Фамилию не помню. Он вроде фитнесом занимается, у него сеть клубов. Она — не знаю, кто. Дорогая такая. Волосы крашенные, сумки дорогие. Но кричат — мама не горюй.

Тамара фыркнула:

— Они не только кричат. Они вещи разбрасывают. Я один раз их коридор мыла (меня попросили, когда они в отпуск уехали), так там на стене пятно. Темное. Как будто... — она запнулась, глянула на Клавдию. — Ладно, неважно.

— Что за пятно? — Анна почувствовала, как что-то ёкнуло внутри.

— Ничего, — Тамара махнула рукой. — Может, вино. Или кровь. Я не специалист.

Клавдия нахмурилась:

— Ты бы поменьше болтала. Люди хорошие.

— Хорошие, кто спорит, — Тамара допила чай и смяла стаканчик. — Просто нервные.

Анна хотела спросить ещё, но в этот момент дверь подсобки открылась, вошёл консьерж Слава — мужчина лет пятидесяти, в форменной рубашке, с бейджиком.

— Анна, вы ещё здесь? У вас же клиент был?

— Ушёл уже, — она поднялась. — Спасибо за воду.

— Обращайтесь, — Слава кивнул, но глаза у него бегали. — Только в подсобку лучше без нужды не заходите. У нас порядок.

— Я поняла.

Она уже взялась за дверь, когда Клавдия окликнула её:

— Анна.

— Да?

Клавдия помялась, покрутила в пальцах пустой блистер от цитрамона.

— Вы завтра будете?

— Не знаю. Может быть.

— Если будете — заходите. Я вам печенье принесу. Домашнее.

— Спасибо, — Анна улыбнулась. — Обязательно.

Она вышла в холл. Слава уже сидел за стойкой консьержа, делал вид, что что-то пишет в журнале.

— Проводить вас? — спросил он, не поднимая головы.

— Я сама.

Анна направилась к выходу. На улице уже темнело. Февральское небо висело низко, мокрый снег падал на асфальт и таял.

Она села в машину, завела двигатель. Включила обогрев сидений.

Перед глазами — руки Клавдии. Натруженные вены. Узлы на суставах.

И слова: «*Как в гробу*».

Анна поехала домой, не включая радио.

Мысли были тяжёлые, вязкие, как тот самый воздух в подсобке.

Она не знала, почему запомнила номер квартиры №51. И почему её не отпускала фраза Тамары про пятно на стене.

Не твоё дело, Ветрова, — снова подумала она.

Но память уже щёлкнула.

И сохранила.

Глава 3. Элитный список

Офис «Недвижимость-Столица» располагался в бизнес-центре на соседней улице — стеклянная коробка, подземный паркинг, круглосуточная охрана. Илья Сергеевич называл это «правильной локацией». Анна называла это «понтами».

Она вошла в открытое пространство, где за восемью столами сидели риелторы, и направилась к своему — угловому, у окна. На столе уже ждал стикер: «Зайди ко мне. И.С.»

Илья Сергеевич сидел в стеклянном кабинете, пил зелёный чай из термодержки с надписью «Босс». Он был из тех начальников, кто носит дорогие часы и говорит тихим голосом, чтобы подчинённые слушали, затаив дыхание. Анна его не боялась, но уважала — за то, что взял на работу после увольнения из газеты, когда никто не брал.

— Садись, Ветрова, — он не поднял головы от монитора. — Как показ?

— Никак. Клиент странный, квартира хорошая. Думает.

— Все думают. — Илья Сергеевич оторвался от экрана. — У меня к тебе дело.

Он подвинул к ней флешку в пластиковом корпусе.

— Что это?

— Реестр собственников ЖК «Версаль». Полный. Квартиры, доли, контакты, история переходов права.

Анна взяла флешку, повертела в пальцах.

— Откуда?

— Управляющая компания поделилась. Мы собираемся делать рассылку — предложения о продаже, консультации по рынку. Твоя задача — проверить всех, кто там есть. Актуальность номеров, статус владения, кто реально живёт, а кто сдаёт. Сделай умную таблицу, чтобы можно было сегментировать.

— А почему я?

— Потому что ты внимательная, — Илья Сергеевич наконец улыбнулся. — И потому что другие начнут звонить сразу, не проверив данные. А ты сначала покопаешься. Журналистская привычка.

Анна хотела спросить про оплату, но передумала. Дополнительная работа — лишние деньги. После увольнения из газеты она ещё не закрыла ипотеку.

— Когда надо?

— Вчера. Но сделай до пятницы.

Она вставила флешку в свой компьютер. Файл открылся в Excel — тридцать шесть строк, семь столбцов. Квартира, собственник, ИНН, доля, контактные данные, дата регистрации права, примечания.

Анна начала просматривать. С первой же строки стало понятно: «Версаль» — это не просто дом. Это клуб.

Квартира №1 — Иванова Елена Павловна, депутат городской думы.

Квартира №2 — ООО «МедСтандарт», генеральный директор Каплан Борис Зиновьевич, сеть частных клиник.

Квартира №6 — Сорокин Виталий Олегович, владелец сети гипермаркетов.

Квартира №12 — Тархов Григорий Ильич, генеральный директор ООО «ТехноСтрой».

Квартира №15 — Черепанова Алиса Максимовна, владелица сети салонов красоты (три строки примечаний — «супруг Черепанов Д.С., депутат областной думы»).

Анна вела пальцем по строкам, читала, вникала, запоминала.

Квартира №19 — Бережной Артём Сергеевич, владелец охранного агентства «Щит».

Квартира №23 — ФГУП «Почта России» (служебное помещение, нежилое).

Квартира №31 — Мельникова Надежда Петровна, председатель комитета по строительству (в отставке).

Квартира №33 — Булатов Эмиль Рафаэльевич, судья областного суда.

Квартира №37 — Гусева Ирина Владимировна, главный редактор «Нашего времени» (областной газеты).

Квартира №38 — ООО «СтройРесурс», директор Степанов Юрий Викторович, подрядчик по отделке.

Дальше — №41, №42, №43.

Вот оно.

Квартира №43 — ООО «СтройИнвест». Никакого физического лица. Только юридическое, с адресом регистрации в Москве, на улице Правды. ИНН, КПП, дата регистрации права — три года назад, за полгода до сдачи дома. Примечания пустые.

Анна открыла новую вкладку, вбила в поиск «СтройИнвест ИНН». Результат — компания зарегистрирована, не ликвидирована, но сайта нет, номер телефона — московский, в базе ЕГРЮЛ значится как «деятельность по управлению финансово-промышленными группами».

Звучало как «ничего не делаем, но деньги получаем».

Она вернулась к таблице. Квартира №44 — физическое лицо, частный предприниматель, оптовая торговля продуктами. №45 — ещё одно юрлицо, на этот раз «СтройКом», но там был указан гендиректор — Тарасов Игорь Николаевич, местный, с телефоном.

Ничего подозрительного, кроме №43.

Дальше — №51. Квартира Тархова Григория Ильича, того самого, из «ТехноСтроя». Анна запомнила эту фамилию — строительная компания, которая, кажется, монтировала вентиляцию в доме. Клавдия говорила про неё — «странный мужчина, стоит над душой».

№67 — ООО «Правовой статус», юридическая фирма, специализация — банкротство и арбитраж.

№89 — Дмитрий Волох, 42 года. Сеть фитнес-клубов «Волох-Фитнес». Три клуба в городе, один в Москве. Адрес регистрации — тот же, что и в «Версале», значит, живёт здесь же. Примечаний нет.

Анна навела курсор на строку и добавила своё: «Соседняя с 91, слышны частые крики». Не профессионально. Но пусть будет.

№90 — снова физическое лицо, пожилая женщина, владелица нескольких квартир в городе. Сдаёт.

№91 — ООО «СтройИнвест». Снова.

Анна остановилась. Странно.

Две квартиры в одном доме — на одного юрлица. №43 и №91. Одна — на четвёртом этаже, другая — на двенадцатом. Никакой логики, если только это не инвестиционные квадратные метры.

Но зачем юридическому лицу две квартиры в новостройке, которые не сдаются? В реестре не было отметок об арендаторах.

Она посмотрела дату регистрации права на №91 — та же, что и на №43. Три года назад. За полгода до сдачи дома.

Купили сразу, ещё на этапе котлована, — подумала Анна. — *Зачем?*

Она вбила в поиск «ЖК Версаль СтройИнвест». Ничего. Поиск по картотеке арбитражных дел — тоже ничего. Поиск по новостям — пусто.

Компания-призрак.

Она сделала пометку: «Собственник скрыт. Рекомендация — уточнить через УК».

Илья Сергеевич вышел из кабинета, подошёл к её столу, заглянул в монитор.

— Уже копаешься? Молодец.

— Илья Сергеевич, а что за «СтройИнвест»?

Он пожал плечами:

— Обычная фирма. Купили две квартиры, не продают, не сдают. Может, под офис. Или для сотрудников.

— Для сотрудников в «Версале»? Дороговато.

— А ты любопытная, Ветрова, — он усмехнулся. — Это хорошо. Но не забывай: мы делаем базу для рассылки, а не расследование. Просто проверь контакты.

— Проверю, — Анна кивнула.

Он ушёл. Она снова посмотрела на строку №43. Потом — на №91.

Что-то не складывалось.

Она открыла блокнот (бумажный, старый, который носила с собой ещё со времён журналистики) и записала:

«43 и 91 — СтройИнвест. Тайна. Крики из 89 (Волох). Клавдия боится 51 (Тархов). Уборщиц не пускают в 47 (женщина с собакой) и 51 (Тархов).»

Закрывает блокнот. Сунула в сумку.

За окном офиса темнело. Огни бизнес-центра загорались один за другим.

Анна допила остывший кофе и вернулась к таблице.

Впереди было тридцать шесть строк.

И одно странное чувство — что она только что открыла дверь, за которой лучше бы не смотреть.

Но привычка журналиста была сильнее страха.

Она смотрела.

Глава 4. Запах из стены

Телефон зазвонил в восемь утра. Анна не спала — разбирала таблицу собственников, заливая кофе из турки. На экране высветился номер Ильи Сергеевича.

— Ветрова, срочно в «Версаль». Квартира сорок четвёртая, покупатель через час. Клиент важный, не подведи.

— А кто?

— Не знаю, через колл-центр запись. Сказали — мужчина, сорок лет, платёжеспособный. Давай, отчитаешься потом.

Анна выключила ноутбук, быстро собралась. Через сорок минут она уже парковалась у ЖК «Версаль». Над набережной висело низкое серое небо, снег прекратился, но ветер дул с реки — ледяной, с мелкой крупой.

Она вошла в холл. Консьерж Слава сидел на месте, пил чай из гранёного стакана в подстаканнике — старомодная привычка, которую Анна заметила ещё в первый день.

— Доброе утро, Анна, — он улыбнулся, но глаза бегали, как в прошлый раз.

— Доброе. Клиент не приходил?

— Пока нет. Я позвоню, когда будет.

Анна посмотрела на часы — до назначенного времени оставалось десять минут. Она присела на диванчик в холле, достала телефон, пролистав рабочую переписку.

— Слава, а камеры на этажах? — спросила она, заметив, что монитор консьержа показывает только холл и паркинг. — Обычно же больше картинок.

Слава помялся.

— Меняют. Система старая, решили обновить. Уже сутки не работают.

— Все?

— На этажах — все. В лифтах — работают. В холле — работают. А на лестничных клетках и в коридорах — нет. Завтра должны подключить.

Анна кивнула. Странное время для замены — середина недели, без предупреждения жильцов. Но не её дело.

— А вы не знаете, кто живёт в сорок третьей? — спросила она как бы невзначай. — Мы в агентстве готовим рассылку, хотим понять, есть ли смысл предлагать продажу.

Слава пожал плечами.

— Я там никого не видел. Вообще. Может, пустует. Ключи у управляющей компании.

— А электричество? Свет платят?

— Наверное. Не моя забота.

Она хотела спросить ещё, но телефон пиликнул — сообщение от неизвестного номера: «Извините, не смогу приехать. Перенесём».

Анна выругалась про себя. Показ сорвался. Она уже собрала сумку, когда Слава сказал:

— Может, подниметесь на десятый? Говорят, вид оттуда лучше.

— Зачем?

— Ну, — он замялся, — мало ли. Покупателям полезно знать.

Станный совет. Но Анна подумала: раз уж приехала, можно сделать дополнительные фото. Вдруг пригодятся.

Она вошла в лифт, нажала кнопку «10». Двери закрылись, и кабина поползла вверх.

На десятом этаже тишина была плотной — не такой, как в холле, а какой-то ватной, давящей. Анна вышла в коридор и сразу почувствовала запах.

Сладковатый. Тяжёлый. Так пахнет испорченное мясо, если его оставить в тепле, но здесь было иначе — в этом запахе угадывалось что-то химическое, приторное, вызывающее тошноту.

Она зажала нос и огляделась.

Коридор десятого этажа был отделан светлым мрамором, на стенах — бра с хрустальными подвесками, на полу — ковровая дорожка. Всё дорого, чисто, аккуратно. Но запах перебивал богатство.

Мусоропровод, — подумала Анна. — *Забился, наверное.*

Она пошла к мусоропроводу — тот находился в конце коридора, за пожарной дверью. Но запах не становился сильнее, наоборот, он слабел, когда она приближалась к мусорному люку.

Анна остановилась. Вернулась назад.

Запах отчётливо доносился от стены. Конкретного места. Между дверями №43 и №44.

Вентиляционная решётка.

Она подошла ближе. Запах стал невыносимым — сладкая гниль, смешанная с цементной пылью и ещё чем-то, от чего першило в горле.

Анна присела на корточки, заглянула в решётку. Темнота. Ничего не видно. Но воздух из шахты шёл тёплый — неестественно тёплый для февраля.

И тут она заметила.

Над решёткой, почти под самым потолком, тянулся тонкий шов в стене. Он был едва заметен — кто-то очень старательно заделал его, зашпаклевал, закрасил. Но краска отличалась на полтона. И шов был свежим — цемент ещё не просох до конца, в некоторых местах блестел влагой.

Анна достала телефон, включила камеру. Сделала три снимка — общий план, крупный план шва, решётка.

Зачем кому-то заделывать стену на десятом этаже в жилой доме? — подумала она. — Ремонт? Замена труб?

Но трубы были с другой стороны — в вентиляционной шахте ничего не должно быть, кроме воздуха.

Она хотела уже уходить, когда услышала звук. Глухой, низкий. Как будто что-то упало внутри стены.

Анна замерла. Прижала ухо к решётке.

Тишина.

Секунда.

Две.

Потом снова — звук. Но теперь она поняла, какой. Жидкость. Капала. Где-то внутри стены что-то капало — равномерно, тяжело, будто расплавленный воск.

Не воск, — подумала Анна, и холодок пробежал по спине.

Она отшатнулась. Встала. Отошла к лифту.

Нажала кнопку вызова. Двери открылись сразу. Она вошла, нажала «1».

Только когда кабина поехала вниз, она заметила, что дрожит.

В холле Слава смотрел в монитор, делал вид, что не заметил её состояния.

— Всё в порядке, Анна?

— Да, — она выдавила улыбку. — Клиент не пришёл, я поехала.

— Удачного дня.

Она вышла на улицу, вдохнула холодный воздух полной грудью. Запах остался в носу — сладкий, приторный, мёртвый.

Анна села в машину и долго сидела, глядя на фасад «Версаля». Двенадцать этажей стекла и бетона. За вентиляционными решётками — темнота.

Она открыла телефон, посмотрела на фото свежего шва.

Увеличила.

На белом фоне стены, рядом с швом, было едва заметное пятно. Бурое. Не краска. Что-то другое.

Анна вспомнила слова Тамары в подсобке: *«Там на стене пятно. Темное. Может, вино. Или кровь».*

Она закрыла галерею. Завела машину.

Но всю дорогу домой в голове стучало: *«Между 43 и 44. Свежий шов. Запах. Капли».*

И ещё одно — то, что она не хотела признавать даже себе.

Это трупный запах.

Анна Ветрова работала журналистом пять лет. Она нюхала его в моргах, в местах аварий, в старых подвалах. Ошибки быть не могло.

В стене на десятом этаже «Версаля» кто-то был.

Или что-то.

Глава 5. Тело

Анне Позв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.